

УДК 343

Соболев Вячеслав Васильевич

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Северо-Кавказский филиал Российского
государственно университета правосудия
Milena.555@mail.ru

Vyacheslav V. Sobolev

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Criminal Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
North Caucasus branch of the Russian State University of Justice
Milena.555@mail.ru

ФОРМЫ И ВИДЫ СОУЧАСТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

FORMS AND TYPES OF COMPLICITY: THEORETICAL PROBLEM OR PRACTICAL NECESSITY

***Аннотация.** История многих уголовно-правовых институтов подтверждает вывод об исключительной роли в их развитии правоприменительной и, в частности, судебной практики с соответствующим научно-теоретическим обоснованием ее результатов. Как полагает автор, проблема форм и видов соучастия в этом плане не является исключением. Статья посвящена проблеме научно-теоретического определения формы и вида соучастия, их законодательной регламентации, дальнейшего совершенствования дифференциации ответственности и индивидуализации наказания соучастников преступления.*

***Ключевые слова:** уголовное законодательство, организованная преступная деятельность, соучастие в преступлении, формы и виды соучастия, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания.*

***Abstract.** The history of many criminal law institutions confirms the conclusion about the exclusive role in their development of law enforcement and, in particular, judicial practice with the appropriate scientific and theoretical justification of its results. According to the author, the problem of forms and types of complicity in this regard is no exception. The article is devoted to the problem of scientific and theoretical definition of the form and type of complicity, their legislative regulation, further improvement of differentiation of responsibility and individualization of punishment of accomplices of the crime.*

Keywords: *criminal law, organized criminal activity, complicity in crime, forms and types of complicity, differentiation of responsibility, individualization of punishment.*

В современной уголовно-правовой науке среди фундаментальных понятий едва ли не самым сложным, получившим наиболее разноречивое толкование, признается институт соучастия в преступлении. При этом, если собственно соучастие получило законодательное определение (ст. 32 УК РФ), то многие его составляющие не нашли окончательных формулировок ни в теории уголовного права, ни в уголовном законодательстве. К таковым, в первую очередь, помимо прочих, следует отнести формы и виды соучастия - категории, без реального включения которых в действующий уголовно-правой механизм институт соучастия не будет в состоянии полноценно выполнять свои функции, прежде всего, в сфере практической юриспруденции.

В этой связи, следует заметить, что история многих уголовно-правовых институтов подтверждает вывод об исключительной роли в их развитии правоприменительной и, в частности, судебной практики с соответствующим научно-теоретическим обоснованием ее результатов. Как нам представляется, проблема форм и видов соучастия в этом плане не является исключением.

В одном из своих постановлений Президиум Верховного Суда РФ сформулировал признаки преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору, как соучастие в *форме соисполнительства*. Так, рассматривая дело в порядке надзора и отклоняя доводы о необходимости переквалификации действий осужденного за разбой на соучастие в разбое в виде пособничества, Президиум указал, что «... действия Г., связанные с его участием в разбойных нападениях, обоснованно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соучастие в преступлении в форме соисполнительства»[1].

Можно спорить по поводу того, что квалификация преступления осуществляется на основе признаков (или квалифицирующих признаков как в приведенном случае) соответствующего состава, но, отнюдь, не на основе соучастия в преступлении в форме соисполнительства, как указано в названном постановлении. Однако данной формулировкой, противоречащей правилам юридической квалификации, можно пренебречь, имея в виду главное: суд, рассматривая вопрос о наличии признаков одного из *видов соучастия* (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору), пришел к выводу об их принадлежности к такой *форме соучастия*, как *соисполнительство в составе группы лиц*[2].

Примечательно, что в постановлениях и других документах высшего судебного органа, обладающего правом законодательной инициативы, все чаще встречаются формулировки, содержащие упоминание форм и видов соучастия[3], хотя, к сожалению, до сих пор, эти понятия и их определение отсутствуют в отечественном уголовном законодательстве.

Попытки выйти за тесные рамки законодательного определения института соучастия в преступлении Верховным Судом РФ предпринимались и

ранее. Причем, если в более ранних его документах встречались такие, например, формулировки, как «соучастие в форме пособничества», «соучастие в форме подстрекательства», то позднее эти же разновидности соучастия уже в официальных разъяснениях получают иной статус. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» такие понятия, как «организация преступления», «подстрекательство» и «пособничество», совершенно справедливо названы *видами соучастия*[4]. Заметим, что такая трактовка видов соучастия, а именно, его *сложной формы с распределением ролей* соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), соответствует наиболее распространенным взглядам в науке уголовного права.

Сложнее и весьма разноречиво рассматриваются как в теории, так и в правоприменительной практике остальные формы соучастия, связанные с групповой преступностью и организованной преступной деятельностью. Ни одно из великого множества предлагаемых уголовно-правовой наукой определений форм соучастия не было воспринято отечественным законодателем. Между тем, все очевидней становится практическая значимость положительного решения данной проблемы.

Устойчивее всех из предлагаемых наукой к разрешению проблемы находится теоретическая модель, согласно которой, формами соучастия признается исчерпывающая разновидность групп, содержащаяся в ст. 35 УК РФ. Именно данный перечень в качестве форм соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество) содержится в Модельном кодексе и воспринят ныне действующими уголовными законами некоторых стран СНГ. Однако данная модель не воспринята законодателем, и вопрос о формах соучастия остаётся открытым, хотя, по нашему мнению, феномен уголовного права «группа лиц» явно обладает системообразующим свойством и заслуживает более пристального внимания при исследовании такой составляющей института соучастия, как его формы.

Современное понятие «группа» весьма разнообразно. Можно говорить о группе в том смысле, что это несколько человек, не придавая значения ее качественной характеристике: группа школьников, группа всадников, народ толпится группами и т.д. До тех пор, пока мы оперируем данным понятием безотносительно к сфере, регулируемой уголовным законом, термин «группа» представляется совершенно нейтральной категорией. И только, благодаря осознанию законодателем того, что в результате соединения усилий преступно действующих лиц более серьезно ущемляются охраняемые обществом интересы, зародилось и развивается такое явление уголовного права, как соучастие в преступлении. Небезынтересным поэтому для исследования данного уголовно-правового института является само происхождение (этимология) слова «группа», ставшего в современной науке уголовного права системообразующим понятием.

Начиная от Русской Правды и до начала XX века в российском уголовном законодательстве последовательно формировался институт соучастия в преступлении, всё внятней формировались его признаки. Видные представители отечественной уголовно-правовой науки А.Ширяев, Н.С.Таганцев, Г.Колоколов, А.В.Лохвицкий, В.В.Есипов, Н.Д.Сергиевский, П.Ф.Тельнов, С.В.Познышев и другие, развивая учение о соучастии, предлагали его различные классификации по видам и формам. Теория уголовного права обогащалась их разработками, в том числе, таких видов соучастия, как «скоп», «заговор», «шайка», «сообщество», «банда». К тому времени в законодательстве упоминались уголовно-правовые понятия «толпа», «скопище», «орда», «орава», «ватага» и др. Позднее, например, в первом советском Уголовном кодексе современное понятие «группа» значилось как «шайка».

Следует отметить, что даже в Словаре В.И. Даля, изданном в 1881 году, не имелось описания «группа», а слово (по В.И. Далю): **«группа ж. нем.»** означает **чета, купа, кучка, связь, сноп, цепь, кружок, толпа** и др.[5]

Таким образом, этимология слова «группа» отражает многозначность данного понятия, в том числе, в науке уголовного права. Развиваясь и «окультуриваясь» романо-германской лингвистикой, русский язык по правилам, так называемой, ассоциативной этимологии позаимствовал немецкое **«Gruppe»**, придав ему, одному этому слову, множественность значений, заменив исконно русские слова, имеющие свой смысл и свое определенное значение (толпа, скоп, шайка, сообщество, скопище, банда). То, что каждому из этих терминов законодатель придавал определенное значение, свидетельствует их перевод на другой язык, например, немецкий, где каждому из них соответствуют различные по смыслу термины[6].

Характерно, что в самом последнем уголовном законе царской России - Уголовном уложении Российской империи 1903 года - соучастию были посвящены две статьи, в которых выделялись такие формы соучастия, как «сообщество» и «шайка». Соучастниками признавались исполнители, подстрекатели и пособники (ст. ст. 51, 52 Уложения). Термин «группа» по-прежнему в законе не упоминался. И только в советский период в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года впервые в законодательном определении соучастия появилось упоминание группы лиц: согласно ст. 21, «за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники»[7].

Получив дальнейшее развитие в науке уголовного права, институт соучастия в его современном виде сформировался концептуально на таких принципах, как: умышленное участие; участие двух или более лиц; в числе соучастников - исполнитель, организатор преступления и организатор (руководитель) организованной группы или преступной организации), подстрекатель и пособник. Важно уяснить, что за пределами этого триединого концептуального положения возможно иное стечение деяний двух или более лиц с признаками *объективной совместности*. Однако криминализация таких

лишь объективно совместных деяний, хотя и состоящих в причинной связи с преступным результатом, не имеет отношения к институту соучастия. Иной подход с неизбежностью приводит к объективному вменению.

Не менее важным нам представляется уяснение понятия «группа» как системообразующего явления и его места в механизме современного понятия «соучастие в преступлении». Формально законодатель не связывает группу, то есть, совместность, ни с одним из видов соучастников преступления, традиционно определяя уголовно-правовой статус каждого в единственном числе (ст. 33 УК РФ). И лишь в одном случае в названной норме, посвященной видам соучастников преступления, закон, определяя статус исполнителя, в отличие от других видов (организатора, подстрекателя, пособника), дает его обозначение во множественном числе - «соисполнители» (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Тех же принципов законодатель придерживается и при установлении ответственности соучастников преступления (ст. 34 УК РФ). При этом, объединив понятия «исполнитель» с «другими лицами» в едином термине «соисполнители» и установив для них общее основание уголовной ответственности (без ссылки на ст. 33 Уголовного кодекса), законодатель, тем самым, предопределил возможность дифференцировать ответственность, как единичного исполнителя, так и соисполнителя, то есть, лиц, непосредственно участвовавших в совместном совершении умышленного преступления, другими словами, в совершении группового преступления.

Поскольку, термин «группа», применительно к уголовному праву имеет множественное значение (следуя его этимологии), то, по логике вещей, данный термин должен отражать основные составляющие его происхождения (скоп, заговор, шайка, сообщество, банда и т.п.).

Представляется логичным и то, что каждый из названных терминов, охватываемых современным понятием «группа», характеризовался, соответствующим образом, по степени значимости с позиций современных ему уголовного права и действовавшего законодательства.

Учитывая правовую природу понятия «группа», действующий уголовный закон в развитие принципа дифференциации уголовной ответственности ввел специальную норму - статью 35 УК РФ, характеризующую виды групп, а именно: совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой.

Классифицировать разновидности соучастия на его формы и виды возможно, с определенной долей условности, на примере законодательной классификации применительно к уголовно-правовому институту вины. Так, формами вины признаны умысел и неосторожность (ст. 24 УК). В свою очередь, формы вины конкретизированы их видами. Так, умысел конкретизирован его видами: прямой и косвенный, а неосторожность – такими, как легкомыслие и небрежность.

При этом важно отметить, что собственно формы соучастия не могут служить основанием дифференциации уголовной ответственности. Исходя из широко распространенного мнения, основанием дифференциации уголовной

ответственности признается "типовая степень общественной опасности преступления и личности виновного"[8]. Поэтому классификация форм соучастия, подобно категоризации преступлений, может служить лишь необходимой предпосылкой дифференциации уголовной ответственности соучастников, устанавливаемой уголовным законом, поскольку собственно форма соучастия не отражает типовой степени общественной опасности ни преступления, ни личности виновного. Невозможно, например, дифференцировать, то есть, разграничить ответственность пособника, подстрекателя или организатора преступления, оперируя лишь понятием «форма соучастия» - **"сложное соучастие с распределением ролей"**. Решить это возможно лишь с помощью **видов соучастия**, таких как **организация преступления, подстрекательство и пособничество**, разумеется, при наличии **функции исполнителя преступления**. Названным видам соучастия корреспондируют виды соучастников: *«исполнитель»*, *«организатор»*, *«подстрекатель»* и *«пособник»* (ст. 33 УК РФ).

Далее. Такой форме соучастия, как **"соисполнительство в составе группы"**, соответственно, корреспондируют виды соучастия: **"группа лиц без предварительного сговора"** и **"группа лиц по предварительному сговору"** (ч.ч.1 и 2 ст.35 УК РФ). Лица, непосредственно участвующие в составе названных групп в виде соучастников преступления, будут являться **соисполнителями**.

Наконец, с последней в трехзвенной классификации форм соучастия, наиболее опасной формой совместной преступной деятельности, а именно, **"организованной преступной деятельностью"**, корреспондируют такие виды соучастия, как **"организованная группа"** и **"преступное сообщество (преступная организация)"** (ч.ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ). Видами соучастников, корреспондирующими названным видам соучастия, будут являться, соответственно, **организаторы, руководители, участники** названных преступных формирований.

Таким образом, с помощью не форм, а видов соучастия законодатель дифференцирует уголовную ответственность путем существенного изменения объема уголовно-правовых последствий (относительно типовой санкции основного состава) для лиц, чьи действия подпадают под признаки того или иного вида соучастия. При непосредственной дифференциации ответственности вид соучастия используется в качестве квалифицирующего признака, являясь одновременно основанием дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления.

Важным является уяснение смысла законодательного определения форм и видов соучастия в преступлении. Такое значение для уголовного права, уголовного правоприменения, а также уголовной и уголовно-правовой политики будет иметь введение названных составляющих института соучастия, в целом.

Литература:

1. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - № 10. - 2007. - С. 10.*
2. *Согласно авторской трактовке соучастие имеет три формы: «сложное с распределением ролей», «соисполнительство в составе группы лиц», «организованная преступная деятельность (организованное соучастие)», о чём подробнее будет сказано далее.*
3. *См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 кв. 2003 г. / Постановление Президиума № 495 п 03 по делу Бачкало и др.; Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции. Утв. пост. Президиума Верховного Суда РФ 26.02.2005 г.*
4. *См.: Бюллетень Верховного Суда РФ (официальное издание). - № 4. - 2007. - С. 9.*
5. *См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка. В 4 т. Т. 1. — М.: Рус. яз. - Медиа, 2005. - С.401.*
6. *См.: Русско-немецкий словарь (сост. О.Н. Никонова). Изд. 5-е стереотип. - М.: «Сов. Энциклопедия», 1971. С. 33, 152, 799, 892 и др.*
7. *См.: Собрание указаний РСФСР. - 1919. - № 66.*
8. *Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. С. 52.*

Literature:

1. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - No. 10. - 2007. - p. 10.*
2. *According to the author's interpretation, complicity has three forms: "difficult with the distribution of roles", "co-execution as part of a group of persons", "organized criminal activity (organized complicity)", which will be discussed in more detail later.*
3. *See: Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the 3rd quarter of 2003 / Decree of the Presidium No. 495 p 03 in the case of Bachkalo et al.; Review of the quality of consideration by district (naval) military courts of criminal cases in the first instance. Approved by the post. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.02.2005*
4. *See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (official publication). - No. 4. - 2007. - p. 9.*
5. *See: Dal V. I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols., vol. 1. - Moscow: Rus. yaz. - Media, 2005. - p. 401.*
6. *See: Russian-German dictionary (comp. O. N. Nikonov). Ed. 5th stereotype. - M.: "Sov. Encyclopedia", 1971. pp. 33, 152, 799, 892, etc.*
7. *See: Collection of instructions of the RSFSR. - 1919. - № 66.*
8. *Lesnievsky-Kostareva T. A. Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice. Moscow: Norma, 1998. p. 52.*

